

Предисловие

Ксения Буржская написала маленький ослепительный роман, ослепительный в буквальном смысле: столько в нем слепящего солнца, столько слепящего снега, столько белизны, столько воды. И вспышки фотоаппарата, запечатлевающего мгновения жизни.

Дороги, города, снегопады, пляжи, коробки с вещами, поезда, запахи гвоздики и дыма, «сосульки, как бороды лесных царей», рыбы и острова, и снова дороги. И письма, письма, письма,

Это роман о любви, где все любят всех: девочка — мальчика, женщина — женщину, дочка — своих матерей, и вот уже всё смешалось, и вот уже не различить, кто кого любит и кто кого сводит с ума, потому что тут во всю силу звучит, и поет, и поднимается к темному, заснеженному, набухшему тучами небу чистый голос того высокого, того невыразимого

чувства, торжества, экстаза, стремления, рвения, счастья, смешанного со страданием, но никогда, никогда не спускающегося в низины нытья, канюченья и вялой депрессии.

В этом романе много слез, но нет горя. В этом романе много разлук, но нет пустоты и отчаяния.

Всё — на взводе. Всё — на взведенном курке. Все — на натянутой тетиве. И — да, ружье стреляет; да — стрела вылетает и пронзает сердце, и одно, и другое, и третье, или что ей там полагается пронзать, но никого не убивает, потому что всё это — радость. Все это — торжество жизни. Все это — любовь. Огромная охапка снежных роз. И солнце.

И никто никогда не умрет.

Татьяна ТОЛСТАЯ

Однажды утром белка написала письмо муравью:
Дорогой муравей!
Я хочу тебе кое-что сказать,
но, наверное, лучше об этом написать.
Поэтому я и пишу.
Хотя, может быть, лучше все-таки сказать.

Белка
Тоон Теллеген.
Письма только для своих

Те, кто любил нас, ничему нас не научили.
Нас всему научили те, кто нас не любил.

Линор Горалик.
Три текста

Глава 1

ВЕРА

Моя мать любила не меня. Я отвечала ей тем же: мы обе были влюблены в одну и ту же женщину по имени Вера, крепкую и уверенную в своей правоте, нервную, как натянутая струна, и сильную, как мистраль. Возле нее мы обе ощущали себя спокойно, засыпали лучше всего, прижавшись к ней, и сны нам снились одинаково безопасные. Глядя на родителей, я часто думала о том, как такие непохожие люди могут быть вместе. Они умели радоваться миру: мы много путешествовали, даже чересчур. С самого дна своего детства, там, где заканчивался живот и начинался воздух, я помню себя в самолетах, автомобилях и поездах, в постоянном движении сквозь белое туманное пространство, насквозь испещренное косыми солнечными лучами. Мы были дорогой, постоянно убегающей от себя. До восьми лет я знала, кто я и чего мне ждать. Каждый год

Ксения Буржская

мы переезжали: собирали вещи, запихивали их в машину и ехали. Я научилась спать в гостиничных номерах между матрасами: кровати сдвигали, и я забиралась между мамой и Верой, чтобы почувствовать себя в гнезде. Мама и Вера — вместе — были моим единственным настоящим домом.

Мы катались на лыжах, рассматривали картины в музеях Италии, жили на старой ферме с гусями и в трейлере на колесах, плавали на острова, ныряли со скал и глазели на рыб в огромных аквариумах. Мама и Вера казались мне воплощением свободы, но совершенно не были ею.

Абсолютно свободной от предрассудков случайно, как будто это побочный эффект их воспитания, стала я.

Мама ничего не понимала в маленьких людях. Иногда мне казалось, что она сама — такой же ребенок, так нелепо и непоследовательно она себя вела. Она могла вдруг обидеться на какую-то мою детскую игру и со злостью уйти в себя. Тогда я стояла и просила ее простить меня, взять меня на руки. Она прощала, но через минуту снова просила меня прекратить, что бы я ни делала, и сесть смиренно, чтобы не мешать ей сосредоточиться.

Мама писала картины и могла долго сидеть перед чистым холстом: сложнее всего начать. Вера

Мой белый

отчего-то была строгой с мамой и мягкой со мной. Она разрешала мне все, и просить сладости после ужина я бежала именно к ней. Они были как добрый и злой полицейский, и я не представляла, что значит потерять кого-то из них. Не понимала я и причин этой мягкости: в том, что Вера не может иметь детей, не было нашей вины, но мама все равно чувствовала себя виноватой, поэтому делилась мною больше, чем следовало.

В итоге мне было проще с Верой, по крайней мере до тех пор, пока она не ушла. После этого мне стало сложно с ними обеими.

Каждый наш переезд из дома в дом был бегством — такое впечатление, что мама и Вера пытались найти свое место, общее на двоих, но из-за того, что ничего общего между ними не было, сделать это было не так-то просто. Там, где хорошо одной, не нравилось другой. Вера была более настойчива, а мама — категорична в своих суждениях, и если уж маме не нравилось что-то, то она даже не делала попытки принять. А если Вере не нравилось — мы просто собирали коробки. В нашей семье было одно правило переездов — каждый берет с собой на новое место только одну коробку. Коробки Вера покупала на почте и приносила толстой стопкой гладкого картона. Потом мы склады-

Ксения Буржская

вали их, и картон обретал объем. Вера говорила, что так в самолете надуваются подушки для сна — разреженные молекулы воздуха становятся больше. Между мамой и Верой воздуха всегда было мало. Я залезала к ним утром в постель, и они начинали целовать меня, мне это нравилось больше, чем когда они целовали друг друга. В своем праве на владение обеими я была абсолютно уверена. Они сдавались без сопротивления. Коробки были слишком малы для моих сокровищ. Вера категорически запрещала мне брать «лишнее»: во-первых, у нас была только одна машина, во-вторых, это «лишнее». Я никак не могла понять, откуда она знает, что лишнее, а что нет. Мама понимала, что все — нужное, но переубедить Веру не могла. Она и сама расставалась с дорогим сердцу хламом, однако фотографировать вещи, которые не уцелеют, придумала я. На пятилетие мне подарили полароид, чтобы он стал моей дополнительной коробкой — для еще восьми вещей по числу карточек в картридже, но половину я всегда тратила просто так. Мама сначала помогала мне снимать, выстраивала кадр, учила разбираться в композиции, но я не планировала заниматься искусством. Часто у меня просто не было времени подумать над кадром — я забирала в свою коробку памяти не только собственные

Мой белый

«лишние» безделушки, но и чужие – вещи, которые мне хотелось бы иметь или те, что нельзя сохранить: нужно съесть или оставить. Я снимала города и квартиры, из которых мы уезжали, свою кровать, где бы она ни находилась, обувь, из которой вырастала. Я сняла рваную футболку с пчелкой и коробку от хлопьев. Я сняла собаку моей бабушки – рыжую с подпалинами, чужого надувного крокодила на пляже, шлюпку на большом круизном корабле, воду в душе, которая исчезает в сливе, шоколадный королевский пирог с сюрпризом, который мне так и не достался, маму, которая целует Веру.

Глава 2

СНЕГ

На самом деле начать нужно было иначе. Меня зовут Женя, мне шестнадцать. Я люблю худрука нашего музыкального кружка, его зовут Леня. Моя мама и моя вторая мама, Вера, не живут вместе уже восемь лет. Они расстались друг с другом, но не со мной. Потому что я их общее произведение. Вера – та, кто дает вам надежду и делает материнство возможным. Она это сделала для моей мамы. И для себя.

Ксения Буржская

Через месяц у меня новогодний концерт. У нас: у меня и Лени. Я не жду, что мама и Вера — они обе — придут на него. Если честно, мне вообще все равно, придет ли хоть одна из них. Для меня важнее всего, чтобы Леня меня увидел. Хочу ему нравиться, вот и все. Просто хочу ему нравиться.

Сейчас декабрь, а снега все еще нет. Возможно, это связано с глобальным потеплением, хотя с физикой у меня не очень, и я не до конца понимаю, что это значит.

В субботу я решила поехать на старую дачу. Это просто: я говорю маме, что еду к Вере, говорю Вере, что к маме, а сама в электричке еду. Как в мультфильме про Простоквашино. Если бы у меня была другая жизнь, я бы провела ее здесь. Например, с Леной. Я знаю, что мама и Вера будут сверять мое алиби, только если я исчезну, потому что предпочитают не разговаривать без повода. Но я не планирую исчезать. Я взяла пиццу, пиво, коробку с памятью и инструкцию «Как разжечь камин». Я скачала ее из интернета и распечатала на принтере. До сих пор я никогда не разжигала камин самостоятельно, но теперь этот день настал. Хочется сказать, что я стала взрослой, но нет. Просто захотелось приехать сюда и подумать. Или, наоборот, — потупить. Когда тебя переполняет любовь, хочется бегать из угла

Мой белый

в угол, чтобы она расплескалась, а потом упасть и лежать — опустошенной. А потом снова бегать. Любовь накатывает волнами, и быть дома в этот момент невозможно.

Приехала и села на заваленные прошлогодними листьями ступени: ни облачка, ни души. В моем рюкзаке зубная щетка, трусы, майка для сна, толстовка и две тетради для писем Лене. Я могла бы писать их прямо в телефоне, но для него это слишком холодное время. Он может внезапно выключиться, матери до меня не дозвонятся, и начнется переполох. Хотя, возможно, им было бы полезно встретиться и поговорить, но вряд ли это будет эффективно. Мы уже несколько лет не бываем на старой даче.

Этот дом был подарком Веры — она хотела, чтобы у мамы была мастерская подальше от людей, поближе к природе. Думаю, Вера просто хотела спрятать ее подальше от цивилизации. Что ж, она просто немного не успела. Маме всегда было сложно противостоять соблазнам, особенно если их можно писать. В общем, мама не хотела ездить на дачу, потому что это напоминало ей о том, что этот дом так и не стал семейным домом счастья. Как будто дом виноват, что на него возлагали какие-то надежды. Это обычный дом, если подумать: веранда, две спальни и несколько сосен на участке. А чего